

УДК 903.5(571.53)

Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище)*

И. В. Уланов

Иркутский государственный университет, Иркутск

А. В. Веренская

Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, Иркутск

Г. Л. Иванов

Иркутский областной краеведческий музей, Иркутск

Е. Д. Никулина

Иркутский государственный университет, Иркутск

А. Ю. Тарановский

Аннотация. Представлены результаты изучения погребальных комплексов на о. Осинском (Братское водохранилище). Древнейшим из них является ранненеолитическое захоронение ребенка. В южной части острова расположен могильник с инвентарем хуннского облика, что свидетельствует о культурном и политическом влиянии хунну на территорию Приангарья. В северной части обнаружено погребение V–VI вв. с изделием с тамгообразными знаками и зафиксирован наиболее ранний в регионе случай помещения в могилу ноги барана. Предположительно к железному веку – средневековью относятся два захоронения и ритуальный комплекс. Высказано предположение, что семь погребений булагатских бурят, совершенных по обряду кремации (XVIII–XIX вв.), включая захоронения шаманов, являются остатками родового кладбища кузнецов-дарханов.

Ключевые слова: Братское водохранилище, о. Осинский, неолит, хунну, средневековье, буряты, дарханы, погребения, ритуальный комплекс, тамгообразные знаки.

*Памяти Валентины Ивановны Смотровой – первой
исследовательницы погребальных комплексов о. Осинский*

Введение

С 1950-х гг. по настоящее время остро стоит проблема сохранения объектов археологического наследия, попавших в зону затопления водохранилищ, которые образованы в результате строительства Ангарского каскада ГЭС. К сожалению, при строительстве Братской ГЭС в 1950-е гг. спасательные раскопки не были проведены в достаточном объеме, в результате чего

---

* Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.2057.2017/4.6 Министерства образования и науки РФ.

многие археологические объекты были частично или полностью уничтожены. Следы этих разрушений фиксируются в виде массива подъемного материала на размываемых берегах и островах р. Ангары.

После заполнения ложа Братского водохранилища в периоды понижения уровня воды в р. Ангаре, на поверхности уцелевших островов стали фиксироваться размытые стояночные и погребальные комплексы. На о. Родион (напротив устья р. Белой) В. И. Базалийским и В. И. Смотровой (Бердниковой) обнаружены два погребения, одно из которых было разрушено волноприбойной деятельностью водохранилища, а уцелевшее отнесено к бронзовому веку [Базалийский, Смотровая, 1980]. В связи с очередным падением уровня воды в р. Ангаре, наблюдаемым в последние годы, на о-вах Конном (напротив д. Буреть), Шайдорове (в 2 км выше по течению от д. Буреть) и около г. Свирска в 2015 г. обнаружены остатки древних могил, представленные отдельными костями и находками сопроводительного инвентаря [Крутикова, 2016, с. 88].

Среди островов Братского водохранилища особое место занимает Осинский. Один из крупнейших в верхнем течении р. Ангары (длина около 5 км), вытянутый по оси СВ–ЮЗ, он располагается в устье Осинского залива Братского водохранилища (рис. 1, А). Остров представляет собой эрозийно-аккумулятивное образование с останцовым блоком скальных пород, перекрытым аллювиальными отложениями, и до затопления являлся частью архипелага, сформированного валунно-галечниковыми и песчано-глинистыми материалами, накопленными в пониженной части Осинской депрессии. До затопления о. Осинский имел длину 25 км и площадь 65 км² (рис. 1, Б) [Лехатинов, 2016, с. 43]. На данный момент большая его часть, находящаяся над водой, представляет собой песчаный пляж техногенного генезиса, поросший кустарником; лесом покрыта лишь средняя часть острова.

В 1979 г. на берегах и островах Братского водохранилища В. М. Ветровым и В. И. Смотровой проведена обширная разведка, в ходе которой была собрана коллекция подъемного материала и констатировано стремительное разрушение археологических объектов. С целью проведения спасательных работ в 1981 г. был создан Ангарский археолого-этнографический отряд КНИЭ ИОКМ. Под руководством В. И. Смотровой в 1981–1985 гг. отряд провел раскопки погребальных и ритуальных комплексов на территории Унгинско-Осинского расширения водохранилища [Николаев, 2004, с. 21].

В течение двух полевых сезонов (1981–1982 гг.) на о. Осинский отрядом В. И. Смотровой изучены 12 разновременных погребений и один ритуальный комплекс (рис. 2, 1). Позднее могильник был обозначен как ОАН Остров Осинский 2. В 1983 г. работы отряда КНИЭ ИОКМ перенесены на материковую часть Осинского залива, а в 1986 г. прерваны в связи с кончиной В. И. Смотровой. Также в 1982 г. палеопедологическим отрядом ИГУ под руководством Г. А. Воробьевой в юго-восточной части острова открыта палеолитическая стоянка (ОАН Остров Осинский 1). В 1983 г. на данном местонахождении проведены раскопки двумя пикетами общей площадью 100 м². Объект предварительно датирован 30 тыс. л. н. (данные не опубликованы).

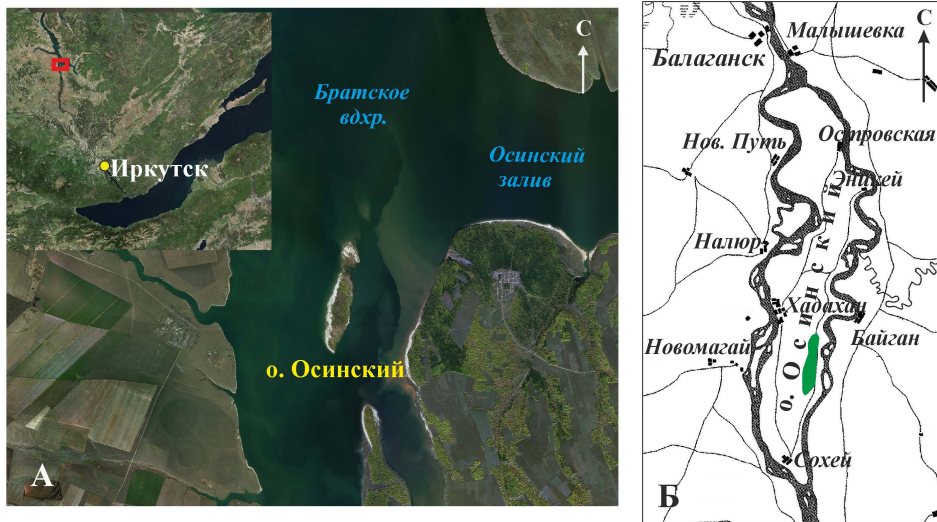

Рис. 1. Остров Осинский: А – местоположение острова; Б – остров до затопления на карте 1942 г. [по: Лехатинов, 2016, с. 42, рис.]. Зеленым цветом обозначена территория острова после затопления водами Братского водохранилища

Летом 2016 г. иркутский краевед-любитель А. Ю. Тарановский на обнажившихся берегах о. Осинский (в связи с упомянутым выше понижением уровня воды) обнаружил разрушенные волноприбойной деятельностью водохранилища погребения. В сентябре того же года сотрудниками НИЦ «Байкальский регион» ИГУ проведены разведочные работы, в результате которых обнаружены еще два захоронения и собрана коллекция подъемного материала.

Из 12 найденных в 1981–1982 гг. комплексов первым было опубликовано погребение № 4 (1981 г.) с ажурными пластинами хуннского облика [Смотров, 1991]. Спустя почти 10 лет в свет вышли еще две статьи, посвященные бурятским захоронениям по обряду кремации [Бердникова, Николаев, 2003; 2004]. Погребение № 3 (1982 г.) опубликовано А. В. Харинским в обобщающей работе о елгинской погребальной традиции [Харинский, 2014]. Предварительным сообщением представлены комплексы, обнаруженные в 2016 г. [Уланов, 2017]. Все вышеперечисленные работы посвящены отдельным захоронениям или группам погребений, а три могилы, № 2, 6 (1981 г.), № 2 (1982 г.), и ритуальный комплекс опубликованы не были. Целью настоящей статьи является обобщение всех имеющихся данных о погребальных комплексах о. Осинский, введение в научный оборот неопубликованных захоронений и ритуального комплекса, а также анализ и обсуждение данных по всем 14 погребениям.

Материалы

Найденные в 1981–1982 и 2016 гг. захоронения по географическому положению делятся на две неравные группы, дислоцированные в северной и южной частях острова (см. рис. 2, 1). «Северные» погребения (11 ед. +

ритуальный комплекс) относятся к неолиту, средневековью и Новому времени. Могилы «южной» группы (3 ед.) относятся к хуннскому времени. Все без исключения захоронения оказались на поверхности современного пляжа в результате разрушения поверхности острова деятельностью Братского водохранилища. Следы надмогильных сооружений не обнаружены. Рассмотрим погребения подробно в хронологическом порядке от неолита до нового времени. Описания, планы и рисунки материалов неопубликованных погребений 1981–1982 гг. приводятся по отчетам В. И. Смотровой [Смотровая, 1982; 1983]. Определение пола и возраста умерших из захоронений 1981–1982 гг. проведено Н. Н. Мамоновой, а из погребений 2016 г. – Д. В. Пежемским.

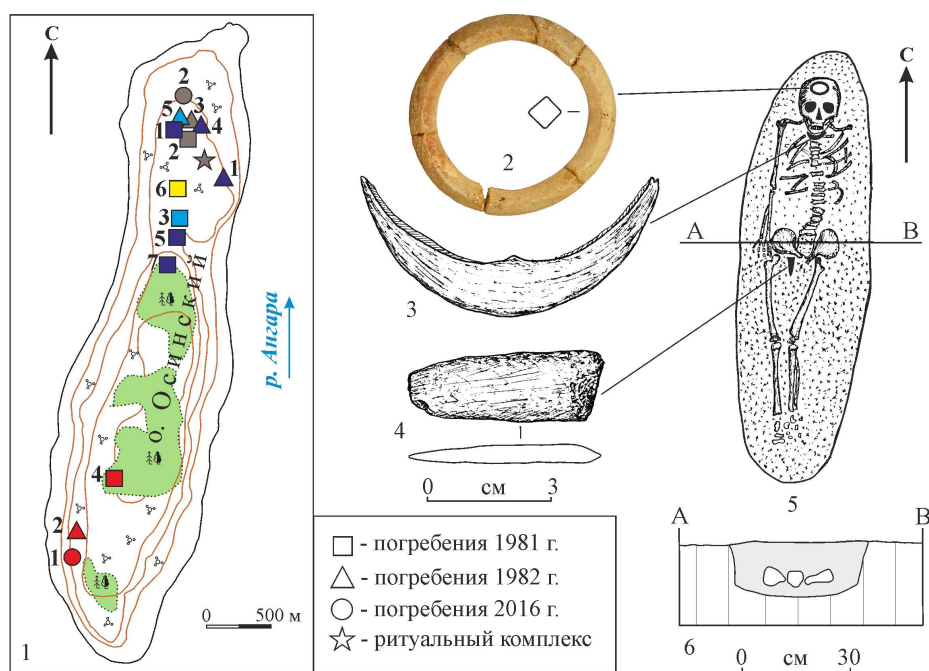

Рис. 2. Остров Осинский:

1 – топлан острова (цифрами обозначены номера погребений, желтым цветом – захоронение неолита, красным – хуннского времени, серым – железного века – средневековья, синим – бурятские погребения по обряду кремации XVIII–XIX вв., голубым – погребения шаманов); 2–4 – сопроводительный инвентарь неолитического погр. № 6 (1981 г.) (2 – кольцо из кальцита; 3 – украшение из клыка кабана; 4 – костяной нож); 5 – план погр. № 6 (1981 г.); 6 – разрез погр. № 6 (1981 г.). Фотографии и рисунки: 3–6 – по отчету В. И. Смотровой [1982], остальные – авторов

Неолит. К этому времени относится погребение № 6 (1981 г.), обнаруженное в северной части острова, в 800 м на юго-запад от маяка (ориентир 1980-х гг. на северо-восточной оконечности острова) и в 63 м от линии берега (по состоянию на июль 1981 г.) по выступающему из-под слоя песка своду черепа, окрашенного охрой в красный цвет. Могильная яма овальной

формы, вытянутая по линии С–Ю (115×32 см), густо засыпана охрой, наиболее интенсивно – в районе таза и костей ног. Костяк ребенка 5–6 лет, захороненного на спине головой на север, находился в анатомическом порядке. Отсутствовали только кости левой руки (кроме нескольких фаланг) и фаланги пальцев стоп (рис. 2, 5, 6). На своде черепа зафиксировано кольцо из светлого кальцита (окрашенное охрой в красноватый цвет) с ребром на внутренней стороне, ромбовидное в сечении (диаметр – 8,3 см) (рис. 2, 2). На грудице, в 3–4 см от черепа, находилось украшение из клыка кабана с круглым коническим отверстием на широком конце (рис. 2, 3). Между костей ног, в 3 см ниже тазовой кости, обнаружен окрашенный охрой обломок костяного кинжала длиной 6,5 см, ориентированный острием на юг. Изделие заточено с двух сторон и тщательно отшлифовано по всей поверхности (рис. 2, 4).

Хуннское время. К данному периоду относятся все три погребения, расположенные в южной части острова.

Погребение № 4 (1981 г.) подробно описано В. И. Смотровой в статье «Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском» [1991]. В данном разрушенном погребении обнаружены останки двух индивидов – подростка 13–15 лет и мужчины 30–35 лет; положение костяков не установлено (рис. 3, 1). Погребальный инвентарь представлен наконечниками стрел (5 экз.), ножами (3 экз.), деталями прибора для добывания огня (костяные упоры и лучок из ребра млекопитающего), костяными кружочками-ворворками, пряжкой из кости, изделиями из железа (стержень, пряжка, кольца, пуговицы) [Там же]. Наиболее известными находками из данного погребения являются три прямоугольные ажурные поясные пластины из бронзы: две с геометрическим решетчатым орнаментом, одна – с изображением сцены борьбы хищников с драконом или змеем (рис. 3, 3, 5).

Погребение № 2 (1982 г.), расположенное в 100 м от западного берега (по состоянию на июль 1982 г.) и в 4200 м на юго-запад от маяка, было разрушено. После расчистки захоронение представляло собой скопление костей и артефактов, зафиксированных на участке размерами 3×8 м. Также обнаружен контур могильного пятна овальной формы (3×2×0,44 м), вытянутого по оси СВ–ЮЗ. Непосредственно в могильной яме обнаружены отдельные кости скелета, принадлежавшие пожилому мужчине, – фрагменты черепа, позвонки, обломки ребер (рис. 3, 2). В 0,8–1 м к северу от черепа в кв. 13 и 21 найдена компактная группа костяных изделий: обкладки лука – продольная размерами 13×1,5 см (рис. 3, 26) и концевая (5×2,4 см) с продольным вырезом на одном из концов (рис. 3, 8); наконечник стрелы иволжистой формы с расщепленным насадом (рис. 3, 13); острие из трубчатой птичьей кости длиной 10 см (рис. 3, 14); кольцо неправильной формы с биконическим отверстием в центре (диаметр – 3,5 см) (рис. 3, 12); два обломка колец-ворворок (рис. 3, 12); прямоугольная пряжка с прямоугольным выступом внутри и обломанными краями (рис. 3, 9); трубочка с расширенным концом (длина – 2 см) и тремя параллельными линиями по краю (рис. 3, 10).

Рис. 3. Остров Осинский, захоронения хуннского времени:

1 – план и разрез погребения № 4 (1981 г.); 2 – план погребения № 2 (1982 г.); 3, 5 – поясные пластины; 4 – фигурная пряжка; 6 – ложечковидная подвеска; 7 – бусина из аметиста; 8, 26 – костяные накладки лука; 9, 16 – костяные пряжки; 10 – изделие из кости; 11, 12, 20 – ворворки; 13, 15 – наконечники стрел; 17, 21 – железные пуговицы; 18 – кольцо из железа; 19 – бронзовое зеркало; 22, 27 – железные ножи; 23–25 – фрагменты железных пряжек (3, 5 – погр. № 4 (1981 г.); 4, 6, 8–14, 21–27 – погр. № 2 (1982 г.); 15–18 – погр. № 1 (2016 г.); 7, 19, 20 – подъемный материал вблизи погр. № 1 (2016 г.). Фотографии и рисунки: 1, 2, 21–27 – по отчету В. И. Смотровой [1983], остальные – авторов

Значительное место в коллекции предметов, собранных как в могильной яме, так и за ее пределами, занимают предметы из железа. У северного края кв. 4, в 3 м на СВ от свода черепа, обнаружен нож с прямой спинкой, обломанным концом и кольцом на рукояти (рис. 3, 22). Длина изделия – 13,4 см. Второй нож – черешковый, треугольный в сечении с обломанным острием, длиной 10,8 см (рис. 3, 27) – обнаружен рядом с описанным выше скоплением костяных изделий, в 1,24 м от свода черепа. По всей площади погребения встречены железные пряжки и их обломки (рис. 3, 23–25). Предметы сильно корродированы. Рядом с черешковым ножом обнаружены круглая пуговица с круглым ушком и сильно деформированный крючок, длиной 3,4 см (рис. 3, 21).

В процессе зачистки также обнаружены два изделия из бронзы. Ложечковидная подвеска длиной 4,8 см найдена в 122 см на юг от свода черепа (рис. 3, 6). В 176 см на восток от свода черепа обнаружена ременная пряжка, представляющая собой предмет округлой формы (длина – 4,5 см), с небольшими выступами и прямоугольной перемычкой между ними. Внутри пряжки имеются два расходящиеся в разные стороны завитка (рис. 3, 4).

Погребение № 1 (2016 г.) сильно разрушено [Уланов, 2017]. Останки принадлежат предположительно мужчине возрастом поздний *adultus* (>30 лет) или *maturus I* (35–45 лет). Инвентарь представлен костяным черешковым наконечником стрелы с расщепленным насадом (рис. 3, 15), железной пуговицей (рис. 3, 17), костяной пряжкой подпрямоугольной формы с фигурным вырезом и коническим язычком (рис. 3, 16), а также фрагментами сильно корродированного изделия из железа в форме широкого кольца (рис. 3, 18). По фаланге стопы погребенного получена ¹⁴C-дата: 2155±20 л. н. (UCIAMS 186302) [Уланов, 2017, с. 296; табл.].

На участке, где расположено погребение, также обнаружен подъемный материал предположительно хуннского времени: две половинки ворворки (рис. 3, 20), шестиугольная в сечении бусина из аметиста (?) (рис. 3, 7) и бронзовое зеркало с растительным орнаментом и надписью (рис. 3, 19).

Железный век – средневековье. К этому времени отнесены три захоронения. Погребение № 2 (2016 г.) [Уланов, 2017] обнаружено на пляже по выступающим из песка костям. Оно сохранилось полностью. Погребенный (мужчина, *adultus* – 25–35 лет) находился на правом боку с подогнутыми ногами, ориентирован головой на восток, лицом на север. Непосредственно вокруг останков по контуру читалось пятно из сгнившего органического материала (войлока или кожи?). За головой, за спиной и в районе кисти левой руки зафиксированы углефицированные остатки. На краю могильной ямы справа от головы, напротив лица погребенного обнаружены в анатомическом порядке кости задней бараньей ноги (рис. 4, 1). Погребальный инвентарь представлен: железными удилами (рис. 4, 3); железным стержнем с кольцом на одном конце и обломанной петлей на другом (рис. 4, 5); лучковым изделием из рога с отверстиями на концах и вырезанными фигурами на внутренней поверхности предмета (рис. 4, 2); железным ножом с остатками деревянной рукояти (рис. 4, 4). Для данного захоронения по фаланге стопы человека и фаланге ноги барана получены ¹⁴C-даты: 1555±20 л. н. (UCIAMS 186303) и 1595±20 л. н. (UCIAMS 186304) [Уланов, 2017, с. 296, табл.].

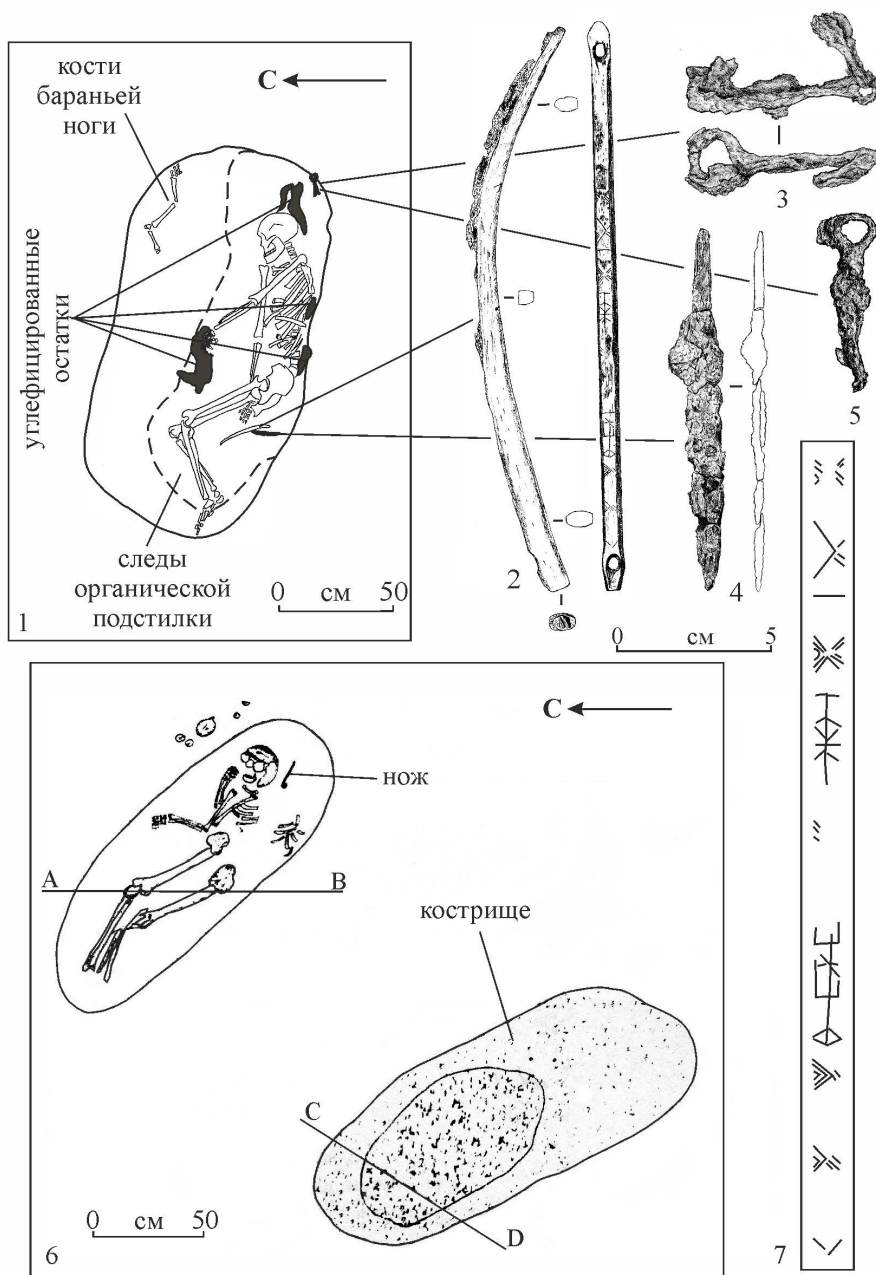

Рис. 4. Остров Осинский, захоронения эпохи железного века – средневековья:
 1 – план погр. № 2 (2016 г.); 2–5 – сопроводительный инвентарь погр. № 2 (2016 г.) (2 – луч-
 ковое изделие из рога; 3 – удила; 4 – железный нож; 5 – железный стержень); 6 – план погр.
 № 3 (1982 г.); 7 – тамгообразные знаки, выгравированные на лучковом изделии. Рисунки:
 6 – по отчету В. И. Смотровой [1983], остальные – авторов

Погребение № 2 (1981 г.), расположенное в северной части острова, в 340 м южнее маяка и в 210 м от линии берега, сильно разрушено, вследствие чего об ориентировке и положении умершего судить невозможно. После расчистки захоронение представляло собой скопление костей, рассредоточенных на площади 4×3,6 м. Следы могильного пятна отсутствуют, однако основное скопление костей напоминает овал, вытянутый длинной осью на СЗ–ЮВ (рис. 5, 9). Судя по всему, скелет принадлежал молодому мужчине 30–35 лет.

Среди костей скелета найдены следующие предметы: 4 железных трехлопастных наконечника стрел с круглым в сечении черешком (рис. 5, 4, 5); 10 обломков плоских железных наконечников стрел; сильно коррозированный железный нож – однолезвийный, треугольный в сечении, с прямой утолщенной спинкой и следами деревянной рукояти на черешке (длина изделия – 11,7 см) (рис. 5, 7); фрагменты плоских железных изделий (рис. 5, 8); железная круглая пряжка с перемычкой; фрагмент еще одной пряжки; обломки черешковых насадов и роговая накладка лука подтреугольной формы с двумя круглыми отверстиями (рис. 5, 6). Помимо этого в северной части погребения зафиксированы 4 кости барана, а в центральной – 2 трубчатые кости птицы.

Погребение № 3 (1982 г.) опубликовано А. В. Харинским [2014, с. 29]. Оно обнаружено по пятну прокаленной супеси. В данном месте был заложен пикет 4×4 м, при расчистке которого зафиксировано могильное пятно овальной формы, вытянутое по оси СЗ–ЮВ. Размеры могилы составили 1,65×0,7×0,5 м. Усопший – подросток 13–14 лет, находился на правом боку со слегка согнутыми ногами, головой – на ЮВ (рис. 4, 6). Единственный предмет, найденный в могиле, это обломок железного ножа с прямой спинкой. В непосредственной близости от могильного пятна и параллельно ему зафиксировано ритуальное кострище овальной формы, вытянутое по оси СЗ–ЮВ. Наибольшая концентрация битых костей и углей отмечена в центральном и западном секторах кострища. Мощность зольника по краям составляла 20 см, в центре – 34 см. И могильная яма, и кострище заложены с одного уровня и располагались в слое светло-палевой супеси.

Здесь же приведем описание ритуального комплекса, найденного в 1981 г. в северной части острова в 512 м на юго-восток от маяка и в 412 м от погребения № 6 (1981 г.). Комплекс, размытый водами р. Ангары, представлял собой красновато-коричневое пятно прокала подтреугольной формы, мощностью 3,5 см, заполненное угольками и обломками жженой кости. На площади пятна зафиксированы кости барана, скоплениями в центральном и западном частях пятна: на западной границе лежал крупный обломок плоской кости, в 3 см от него – нижняя челюсть с обломанным отростком. В 37 см на северо-восток – фаланга, в 27 см на восток – ребро. Другое ребро обнаружено на северо-восточной оконечности кострища. Кроме того, отдельные кости барана были найдены за пределами пятна – поясничный позвонок, коренной зуб, фаланга и обломок бедренной кости (рис. 5, 1). Собранные со всей территории кострища фрагменты керамики относятся к одному сосуду простой закрытой формы с отогнутым венчиком. Внешняя поверхность сосуда декорирована пальцевыми зажимами (рис. 5, 3). На западной границе пятна обнаружена крупная галька из кварцита со следами снятия сколов (рис. 5, 2).

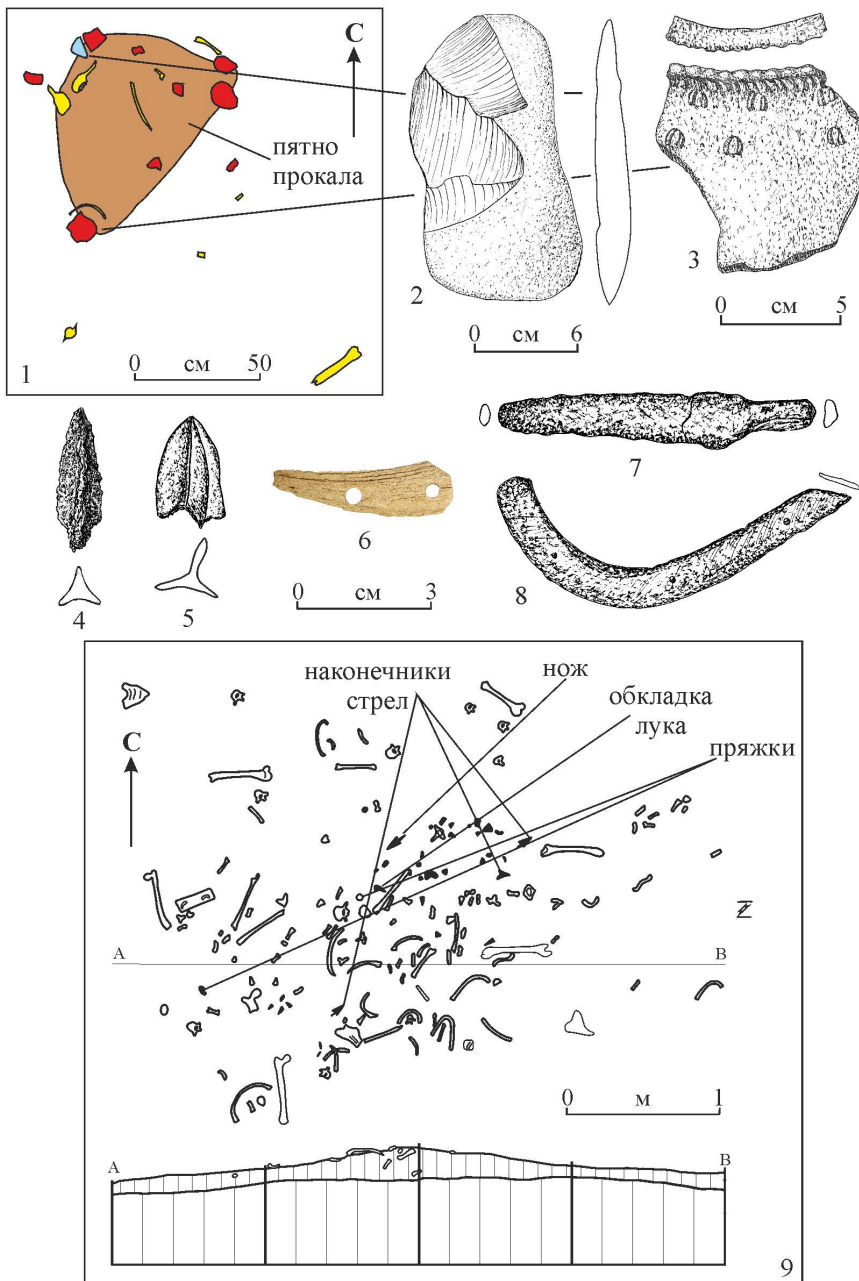

Рис. 5. Остров Осинский, захоронения и ритуальный комплекс эпохи железного века – средневековья: 1 – план ритуального комплекса (желтым цветом обозначены кости барана, красным – фрагменты керамики); 2 – галька со следами сколов; 3 – фрагмент керамики; 4, 5 – железные наконечники стрел; 6 – роговая накладка лука; 7 – железный нож; 8 – изделие из железа; 9 – план и разрез погр. № 2 (1981 г.). 2, 3 – ритуальный комплекс; 4–8 – погребение № 2 (1981 г.). Фотографии и рисунки: 1–4, 7–9 – по отчету В. И. Смотровой [1982], остальные – авторов

Новое время. Комплексы этого периода представлены семью бурятскими погребениями, совершенными по обряду кремации. Они подробно охарактеризованы В. С. Николаевым и В. И. Смотровой [Бердникова, Николаев, 2003; 2004]. Приведем их краткое описание из указанных публикаций.

Все захоронения располагались компактной группой в северной части острова и представляли собой зольники погребальных и ритуальных кострищ со скоплениями жженных костей и предметов сопроводительного инвентаря.

Погребение № 1 (1981 г.) представляло собой зольное пятно в форме ромба с закругленными краями размером 2,2×1,8 м, вытянутое по линии Ю–С. Кострище было заполнено древесными угольками, фрагментами жженной кости и золой. Сопроводительный инвентарь, обнаруженный на площади зольника, представлен в основном изделиями из железа: элементами конской упряжи – удилами, пластинками-накладками – украшениями (рис. 6, 21, 22); предметами бытового назначения – пряжкой, кольцом, шпилькой-креплением, гвоздиком. Также были найдены три медные сибирские монеты номиналом 1 копейка 1771 и 1772 гг.

Погребение № 5 (1981 г.) обнаружено по коричневатому красному пятну зольника ромбовидной формы, ориентированного длинной осью по линии Ю–С. Зольник заполнен угольками и фрагментами жженных костей. Погребальный инвентарь состоит в основном из железных вещей: предметов конского снаряжения – удила, пряжек-распределителей ремней оголовья (рис. 6, 10), накладок-украшений ремней оголовья, пластинок-накладок (украшений седла), подпружной пряжки; предметов вооружения – наконечников стрел (рис. 6, 33–35); предметов быта – ножа, пряжки, цепочки. Кроме того, в захоронении были найдены изделия из бронзы, представленные пряжкой (рис. 6, 15), ложкой и полушаровидными пуговицами, и три медные монеты номиналом 5 копеек: две царские, 1782 и 1792 гг., и одна сибирская (надпись года нечитаема).

Погребение № 7 (1981 г.) зафиксировано по пятну кострища овальной формы, размером 2,4×1,3 м, вытянутому по длинной оси в направлении Ю–С. Заполнение кострища – прокаленная супесь, жженные кости и угольки. Находки, в основном изделия из железа, представлены: предметами вооружения – плоскими наконечниками стрел (рис. 6, 36, 37); предметами конского снаряжения – распределительными пряжками ремней оголовья, бляшками-накладками (украшениями конской сбруи); предметами быта – ножом, стержнем, кольцом. Также найдены бронзовые пластины, которые являлись, скорее всего, украшениями луки седла.

Погребение № 1 (1982 г.), найденное по отдельным железным изделиям, было вскрыто раскопом площадью 12 м². На глубине 1,1–1,14 м зафиксировано могильное пятно овальной формы, вытянутое по оси ЮЗ–СВ. В заполнении находились угли и сильно обожженные человеческие кости. Значительную часть сопроводительного инвентаря составляют изделия из железа: колчаный крюк, прямоугольные и круглые накладки колчана, ременная пряжка, скобки, крючки, стержни. Предметы из бронзы представлены

пятью шаровидными пуговицами с удлиненной петелькой, двумя браслетами (рис. 6, 14), изогнутым стержнем (рис. 6, 30) и колокольчиком. Также найдены цветные каменные бусины. К датирующим предметам следует отнести серебряную монету с оплавившимися краями достоинством 1 рубль (рис. 6, 1) и три медные пуговицы с гербом Сибирской губернии (две из трех оплавившись в огне) (рис. 6, 4, 5).

Погребение № 4 (1982 г.) обнаружено благодаря проявившимся на поверхности пятнам прокала и фрагментам костей. В результате зачистки зафиксировано могильное пятно овальной формы размерами 2,4×1,3 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ–СВ. Погребальный инвентарь располагался в центральной и восточной части могильной ямы, а также за ее пределами ниже по склону. Изделия из железа представлены предметами конского снаряжения (украшения сбруи) и предметами быта: ременными пряжками, цепочками, пуговицами, гвоздиками, штырьками, пластинками. Также найдены роговая накладка лука с циркульным орнаментом (рис. 6, 9), пять бронзовых шаровидных пуговиц с петелькой (рис. 6, 16–20) и шесть раковин каури (рис. 6, 2, 3) [Бердникова, Николаев, 2004].

Два захоронения из семи выделяются оригинальностью обряда и сопроводительного инвентаря. Их краткое описание приведем также по опубликованным данным [Бердникова, Николаев, 2003].

Погребение № 3 (1981 г.) представляло собой комплекс площадью 19×10 м, состоявший из трех кострищ и восьми скоплений (жженой, битой кости и разнообразных предметов из железа и бронзы). Наиболее крупное кострище (№ 2) овальной формы располагалось в северо-западной части комплекса. В 2–2,5 м к востоку от него, в северном секторе, компактной группой располагались небольшое кострище (№ 1) и три скопления материала (№ 1, 2, 7). В 2 м севернее кострища № 1 зафиксировано небольшое скопление № 8. Южнее кострища № 1 практически по одной линии, с севера на юг, расположены другие три небольших скопления № 3, 5, 6 и кострище № 3. Южнее кострища № 2 (в 3,7 м) располагалось скопление № 4. Большинство артефактов зафиксировано в указанной компактной группе скоплений у кострища № 1. Предметный набор многочислен и разнообразен: всего около 140 находок.

Подавляющее большинство артефактов – изделия из железа. Их можно разделить на две группы: детали конской упряжи (кольца с распределительными пряжками, стремя (рис. 6, 31)) и предметы шаманского культа. Последние представлены многочисленными коническими подвесками *холбого* (рис. 6, 23–29, 32), зооморфными (рис. 6, 11–13), орнитоморфными и антропоморфными фигурками (рис. 6, 6, 7), стержнями из витой проволоки, кольцами, цепочками, фрагментами шаманской колотушки, разного рода подвесками и кольцами и пр.

Также были обнаружены изделия из бронзы (пуговицы, бубенчик, шарики-подвески, обломки трубок), раковина каури и фрагменты костей барана.

Рис. 6. Остров Осинский, сопроводительный инвентарь из бурятских захоронений по обряду кремации XVIII–XIX вв.: 1 – серебряный рубль 1745 г.; 2, 3 – раковины каури; 4, 5 – медные пуговицы с изображением герба Сибирского ханства; 6, 7 – антропоморфные подвески из железа; 8 – железное изделие, покрытое серебром; 9 – костяная накладка лука; 10 – пряжка-распределитель ремня-оголовья; 11–13 – зооморфные подвески из железа; 14 – бронзовый браслет; 15 – бронзовая пряжка; 16–20 – бронзовые пуговицы; 21, 22 – украшения конской сбруи; 23–29 – подвески холбого; 30 – бронзовый стержень; 31 – железное стремя; 32 – связка подвесок холбого на железном кольце; 33–37 – железные наконечники стрел (21, 22 – погр. № 1 (1981 г.); 6, 7, 11–13, 23–29, 31, 32 – погр. № 3 (1981 г.); 10, 15, 33–35 – погр. № 5 (1981 г.); 36, 37 – погр. № 7 (1981 г.); 1, 4, 5, 14, 30 – погр. № 1 (1982 г.); 2, 3, 9, 16–20 – погр. № 4 (1982 г.); 8 – погр. № 5 (1982 г.). Фотографии авторов

Погребение № 5 (1982 г.) состояло из двух кострищ в форме правильных овалов, ориентированных по длинной оси с ЮЗ на СВ. Кострище № 1 меньшего размера (3,6×1,3 м) заполнено углями, фрагментами жженой кости и предметами из железа и бронзы (41 экз.). Артефакты из железа представлены разнообразными подвесками (антропоморфной, зооморфной, орнитоморфной, коническими (*холбого*), четырехлепестковыми, п-образной формы, в виде лопаточки), пластинками-накладками, ножом, цепочкой, кольцами, стержнями. В числе предметов из бронзы пуговица, фрагменты бубенчиков, конусовидные подвески. Также найдено изделие из железа, покрытое листовым серебром с орнаментом в виде рядов кружочков (рис. 6, 8). Серебро частично опалено. Кострище № 2 (в 3,5 м севернее первого) большего размера (4×2,5 м), заполнено углями и фрагментами жженных костей лошади. В центре пятна найдено пять четырехлепестковых железных бляшек – украшений конской сбруи.

Обсуждение

Погребение № 6 (1981 г.) обладает признаками, характерными для китойской погребальной традиции раннего неолита: вытянутое положение костяка на спине, засыпка могилы охрой, наличие кальцитового кольца, украшения из клыка кабана и костяного ножа [Базалийский, 2012, с. 66–67]. Вместе с тем в могиле отсутствуют артефакты, которые бы четко указывали на ее принадлежность к китойской культуре (составные крючки, гарпуны, изделия из нефрита и т. д.). В. И. Базалийский, который хорошо знаком с материалами данного захоронения, отнес его к ранненеолитическим погребениям «второго массива» [Там же, с. 60, табл. 4]. По нашему мнению, учитывая ориентировку, положение костяка и погребальный инвентарь, данное погребение следует с осторожностью отнести к китойской погребальной традиции.

Три захоронения – № 4 (1981 г.), № 2 (1982 г.), № 1 (2016 г.), – расположенные в юго-восточной части острова, в совокупности с найденным подъемным материалом, по-видимому, представляют собой единый комплекс, могильник хуннского времени. Данное утверждение основано на наличии артефактов, аналогичных тем, что встречаются на памятниках культуры хунну. К таким предметам относятся: костяные наконечники стрел с расщепленным насадом, роговые накладки лука, железные однолезвийные ножи, детали прибора для добывания огня – лучок из трубчатой кости и костяные упоры в виде серьги, костяные кружочки-ворворки, костяные пряжки, кольца из железа, полусферические железные пуговицы, гантелеобразные костяные подвески [Смотровая, 1991; Уланов, 2017]. Особый интерес представляют украшения и предметы искусства. Поясная пластина с изображением дракона и двух кошачьих имеет аналоги в коллекции Цзина Цай Лу (известного китайского коллекционера и торговца антиквариатом первой половины XX в.), в фондах Эрмитажа (подобная пластина найдена в Минусинской котловине), а также в материалах погребения № 100 на Иволгинском могильнике (две аналогичные пластины) [Давыдова, 1971, с. 103, 96,

рис. 2]. Пластины с геометрическим орнаментом распространены широко в памятниках хуннского времени, однако наиболее полно опубликованы находки из минусинской котловины [Дэвлет, 1980]. Время изготовления зеркал, аналогичных найденному в погребении № 1 (2016 г.) (рис. 3, 19), в Империи Хань Е. И. Лубо-Лесниченко датирует II в. до н. э. Исследователь также приводит перевод надписи на зеркале: «Когда смотрю на небо, постоянно думаю о правителе» [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 118]. По опубликованным данным нам известно шесть аналогичных изделий. Целое зеркало найдено в таштыкском погребении у Есинской МТС (Минусинская котловина) [Вадецкая, 1999, с. 69–71]. Еще одно целое – в могильнике Ала-Тей (Тува) [Оборин, Савосин, 2017, с. 52, рис. 1.9, 3]. В погребении кургана № 28 некрополя Чендек (Алтай) найден фрагмент аналогичного зеркала. Могильник относится к булан-кобинской культуре и датируется также хуннским временем [Вайнбергер, 1993]. Другой фрагмент бронзового зеркала найден в насыпи кургана 8 могильника саргатской культуры Марково I (II–I вв. до н. э.) в Барабинской лесостепи [Полосьмак, 1987, с. 83; рис. 33, 4]. Еще два предмета – случайные находки из Прибайкалья и Забайкалья – опубликованы в упомянутом электронном издании Ю. В. Оборина и С. Л. Савосина «Китайские бронзовые зеркала» [2017]. Находки ханьских зеркал достаточно частое явление в памятниках культуры хунну [Коновалов, 1976; Давыдова, 1985].

Ложечковидная подвеска также находит широкие аналоги в памятниках хуннского времени [Давыдова, 1985, с. 106, рис. XIII, 1–3; Миняев, 2007, с. 37, рис. 18, 31, 32]. Фигурные пряжки, подобные изделию из погребения № 2 (1982 г.), имеются в материалах Дырестуйского могильника и одной из частных коллекций (найжены в Монголии) [Миняев, 2007, с. 37, рис. 18, 24; Erdenechuluun, Erdenebaatar, 2011, p. 41, fig. 9; p. 409, fig. 396]. Шестигранные бусины, только из флюорита, обнаружены минимум в семи погребениях Дырестуйского могильника [Миняев, 2007].

Принадлежность «южной» группы захоронений к хуннскому времени также подтверждается полученной радиоуглеродной датой по погребению № 1 (2016 г.), в калиброванном виде имеющей хронометрический интервал 350 г. до н. э. – 210 г. н. э.¹

В. И. Смотровая, на основании сходства погребального инвентаря, отнесла умершего из погребения № 4 (1981 г.) к представителям хуннского племенного союза [Смотровая, 1991]. Погребение № 2 (1982 г.) не было опубликовано, однако в тексте отчета В. И. Смотровая указала, что этот комплекс по находкам аналогичен захоронению № 4 (1981 г.), и датировала его также рубежом эр [Смотровая, 1983, с. 8].

А. В. Харинский относит оба погребения 1980-х гг. к елгинскому типу, считая, что в Прибайкалье хунну отсутствовали, а елгинцы в свою очередь связаны с носителями сотниковской погребальной традиции в Забайкалье, возможно, мигрировавшими в Прибайкалье под натиском хунну. Он не относит елгинцев с хунну ввиду отличия элементов погребального обряда –

¹ При калибровке использовалась программа CALIB 7.1, шкала IntCal13, 2 сигмы [Stuiver, P. J. Reimer, R. Reimer].

отсутствие хуннской керамики и трупомещение на боку с подогнутыми ногами (у хунну – вытянутое на спине). Наличие предметов хуннского облика А. В. Харинский объясняет межкультурными контактами [2014].

К сожалению, все найденные захоронения этого времени разрушены водами водохранилища, что затрудняет более четкую культурную атрибуцию комплекса. Однако, по нашему мнению, большое количество предметов хуннского облика, включая предмет китайского импорта (?), зеркало эпохи Хань, могут свидетельствовать о присутствии в Приангарье представителей хуннского союза племен или вхождении данной территории в состав первой кочевой империи Центральной Азии.

Раннесредневековое погребение № 2 (2016 г.) представляет особый интерес как по характеру инвентаря, так и по культурной принадлежности. Помещение в захоронения костей бараньих конечностей характерно для раннемонгольской культуры, датируемой второй половиной I тыс. – первой половиной II тыс. н. э. [Именохоев, 1992], и для монголов имперского периода (XIII–XIV вв.) [Останки животных ... , 2014] в Забайкалье. Само это явление связывается исследователями с ритуальными действиями [Именохоев, 1992, с. 35; Останки животных ... , 2014, с. 73]. Наиболее ранняя подобная находка в Прибайкалье была зафиксирована в погребении 41 могильника Будун III на о. Ольхоне и датируется XI–XII вв. [Дашибалов, 1995]. Учитывая калиброванный возраст погребения с костями барана на о-ве Осинском (350–670 гг. н. э.), можно утверждать, что теперь для региона самым ранним проявлением данного ритуала следует считать именно данный случай. Не имеет аналогов лучковое изделие из рога с гравированными фигурами – тамгообразными знаками. В Прибайкалье известны памятники с тюркской рунической письменностью [Рыгдылон, Хороших, 1961; Николаев, Кубарев, Кустов, 2008], тамги же встречаются значительно реже [Николаев, Кубарев, Кустов, 2008, с. 175]. Прямых аналогий прочерченным на лучке знакам нами пока не встречено.

По положению костяка, на правом боку с подогнутыми ногами, и радиоуглеродному возрасту, погребение № 2 (2016 г.) близко захоронениям, найденным в Приольхонье и Баргузинской долине и датируемым по ^{14}C VI–VII вв. Б. Б. Дашибалов относит их к Куркутскому этапу Курумчинской культуры [Дашибалов, 1995, с. 110], а А. В. Харинский называет их погребениями Черенхынского типа [Харинский, 2001, с. 45]. Добавим, что наличие в осинском погребении костей скота (барана), деталей конской упряжи и изделия с тамгообразными знаками может свидетельствовать о принадлежности погребенного к древнетюркской этнокультурной общности.

Стоит отметить, что на данный момент это единственный погребальный комплекс V–VI вв., найденный в бассейне р. Ангары севернее г. Иркутска.

Интерпретировать культурно-хронологическую принадлежность погребения № 2 (1981 г.) сложнее, поскольку данный комплекс почти полностью разрушен, а сопроводительный инвентарь не обладает четкими датирующими признаками. Тем не менее можно сделать некоторые выводы относительно его хронометрии. Трехлопастные наконечники треугольной

формы имеют аналоги в погребениях Черенхынского типа [Харинский, 2001, с. 166, рис. 5, 15–17], хуннских и древнетюркских захоронениях [Худяков, 1986, с. 41, рис. 8; с. 144, рис. 64]. В развитом средневековье в Приангарье фиксируется усть-талькинская культура, в инвентаре которой трехлопастных наконечников нет [Николаев, 2004, с. 84, табл. 6]. В бурятских захоронениях на острове подобные формы также не отмечены, т. е. аналогичные наконечники могли бытовать здесь либо в железном веке – раннем средневековье, либо в позднем средневековье. Кости барана в свою очередь указывают на то, что данное захоронение не может быть древнее раннего средневековья. Косвенным датирующим признаком также служит степень коррозии железа. Подобной плохой сохранности металл фиксируется в описанных нами захоронениях хуннского времени и раннего средневековья, в то время как в комплексах Нового времени железо сохраняется значительно лучше. Тем не менее данный признак нельзя считать надежным, поскольку степень коррозии может зависеть и от качества железа. На основании указанных фактов данное захоронение, вероятно, следует датировать в широких рамках средневековья.

Погребение № 3 (1982 г.) было включено А. В. Харинским в число елгинских комплексов на основании наличия на острове могил хуннского времени, а также размещения костяка на боку с подогнутыми ногами, что характерно как раз для елгинцев [Харинский, 2014]. Однако имеющиеся факты заставляют нас усомниться в данной интерпретации. Во-первых, как было отмечено, все три захоронения хуннского времени сильно разрушены (что не позволяет судить о положении костяков) и локализованы в южной части острова, а данная могила располагалась в северной части. Во-вторых, согласно А. В. Харинскому, положение костяка на боку с подогнутыми ногами помимо елгинцев характерно также для захоронений черенхынского типа [Харинский, 2001, с. 45], и подобное данному типу и описанное нами выше погребение № 2 также было найдено в северной части острова в 2016 г. В-третьих, успешную интерпретацию затрудняет скудость погребального инвентаря. Единственная в могиле находка, железный нож, который не поддается сравнительно-типологическому анализу, может указывать только на принадлежность погребения ко времени, когда в регионе использовалось железо. Учитывая отсутствие четких датирующих и культурных признаков, данное захоронение следует датировать широким интервалом железного века и средневековья. Общий признак для этого погребения и захоронения № 2 (2016 г.) – положение умершего на боку с подогнутыми ногами, а также их близкое относительно друг друга расположение, возможно, свидетельствует об их культурной и хронологической близости или даже единстве.

Найденный на острове ритуальный комплекс В. И. Смотровой на основании присутствия пятна прокала кострища и следов приготовления и употребления ритуальной пищи (керамика и кости барана) интерпретировала как жертвенник. Подобные комплексы в виде ям, содержащих мелкие жевые кости и угольки, фрагменты керамики и кости домашнего скота, фиксируются по обоим берегам Братского водохранилища, в частности на место-

нахождениях Шебуты II, Макарьевская I, II, IV, Хабсагай II, и датируются V–XII вв. [Николаев, Кустов, 2004; 2007]. Керамика, декорированная пальцевыми защипами, обнаруженная в данном комплексе, имеет аналогии с керамикой уту-елгинского типа, выделенного А. В. Харинским для Прибайкалья. Исследователь связывает данную керамику с курумчинской культурой, обозначив время бытования уту-елгинского типа в пределах VIII–XIV вв. [Харинский, 2001, с. 51]. Таким образом, на основании сравнительно-типологического метода ритуальный комплекс на о. Осинский можно датировать пока только в широких рамках V–XIV вв.

Мы полностью согласны с интерпретацией В. И. Смотровой и В. С. Николаева погребений № 1, 3, 5, 7 (1981 г.), № 1, 4, 5 (1982 г.) как бурятских «трупосожжений», из которых № 3 (1981 г.) и № 5 (1982 г.) принадлежат шаманам. В двух работах, посвященных данным захоронениям, совершенным по обряду кремации, исследователи убедительно доказали их принадлежность к булагатским бурятам, привлекая широкий этнографический материал [Бердникова, Николаев, 2003; 2004]. Вместе с тем хотелось бы дополнить имеющуюся информацию своими соображениями. В 2016 г. в свет вышла книга известного географа и геолога А. М. Лехатинова «Малая Родина» [2016], посвященная о. Осинский, где родился и вырос ученый. Автор указывает на то, что современный о. Осинский – это самая высокая поверхность «старого острова» (до затопления), гора Унэгэтэй, которая у местных бурят являлась священной. На этой горе, по словам автора, располагались захоронения дарханов (бурятских кузнецов) Хангинских родов (в частности назван род булхэ) [Там же, с. 49]. Данное свидетельство является весьма ценным для интерпретации бурятских захоронений, поскольку археологические и этнографические данные косвенно его подтверждают. Во-первых, все погребения локализованы довольно компактно, что может говорить о принадлежности умерших к одному роду. Так, у ольхонских бурят, практикующих кремацию до сегодняшнего дня, сжигание покойников происходит в лесу, на возвышенности и на строго определенном «родовом» участке [Жамбалова, 2000, с. 290]. Это замечание важно, поскольку профессия кузнеца у дарханов передавалась по наследству [Хангалов, 2004, с. 102]. Во-вторых, наличие шаманских захоронений свидетельствует о наличии у данного рода шаманского корня *утха*, которым обладали кузнецы, согласно шаманской мифологии, также считавшиеся избранниками неба [Михайлов, 1987, с. 95]. От дарханов в некоторой степени зависели шаманы, будучи постоянными клиентами кузнецов (изготовление атрибутики и элементов костюма), что отражалось и в соответствующих обрядах [Хангалов, 2004, с. 102]. Этнографами отмечалось наличие в бурятском шаманизме самостоятельного кузнечного культа, в котором дарханы сами являлись шаманами [Банаева, 2008; Дашиева, 2013]. В-третьих, отмеченные В. С. Николаевым захоронения «рядовых» бурят (нешаманские), судя по погребальному инвентарю, были отнюдь не «рядовыми». В них отмечается разнообразие изделий, среди которых помимо бытовых встречаются предметы вооружения (наконечники стрел, накладки лука, ножи) и конского снаряжения, в том числе разнообразные украшения сбруи и седла. Также в захоронениях

фиксируются деньги и украшения: монеты, включая серебряный рубль (рис. 6, 1), браслеты (рис. 6, 14), раковины каури (рис. 6, 2, 3), бусины, а также изделия, украшенные серебром. Данные изделия говорят об обеспеченности покойных, что не противоречит тому факту, что профессия кузнеца (одновременно ювелира) в традиционной культуре бурят считалась почетной и по понятным причинам была крайне востребованной [Банаева, 2008, с. 269]. Также отмечены большое разнообразие и многочисленность изделий из железа, что косвенно может свидетельствовать о профессиональной принадлежности умерших.

В. И. Смотров и В. С. Николаев определили возраст захоронений концом XVIII – первой половиной XIX в. на основании найденных медных монет 1771, 1772, 1782 и 1792 гг. из погребений № 1 и 5 (1981 г.) [Бердникова, Николаев, 2004, с. 149]. Добавим, что к датирующим предметам также следует отнести серебряную монету и три медные пуговицы с изображением соболей со стрелами, лука и короны (герб Сибирского ханства) из погребения № 1 (1982 г.). На монете номиналом 1 рубль с изображением императрицы Елизаветы Петровны из-за оплавленного края невозможно разобрать первые две цифры года чеканки, но две последние хорошо читаются – 45. Судя по всему, здесь была цифра 1745, указывающая на годы царствования императрицы Елизаветы I. Медные пуговицы с изображением герба Сибирского ханства являются интересной и редкой находкой. Во-первых, интересен сам факт наличия в бурятском захоронении «гербовых» пуговиц, являвшихся атрибутом одежды губернских чиновников, который может объясняться наличием товарообмена между русскими и бурятами. Во-вторых, данная находка иллюстрирует историю становления Иркутской губернии и появления губернского герба. Образованная в 1765 г. Иркутская губерния, затем преобразованная в Иркутское наместничество (1782 г.) и снова в губернию (1796 г.), своего герба (несмотря на наличие у Иркутска герба с бабром) официально до 1878 г. не имела. Вместо него в делопроизводстве использовался герб Сибирского ханства, который и изображался на пуговицах чиновников наместничества, а затем и губернии с конца XVIII до 1800-х гг. (с 1800-х гг. на пуговицах стал изображаться герб Иркутска) [Иркутская область]. В частности, описание и рисунки пуговиц, аналогичных найденным, содержатся в «Изображении губернских, наместнических, коллежских чиновников и всех штатских мундиров» 1794 г. и «Изображении всех статских мундиров для всех губерний» 1798 г. [Там же]. Таким образом, в совокупности монета и пуговицы указывают на приблизительный возраст бурятского захоронения с «гербовыми» пуговицами – конец XVIII в.

Заключение

Современный о. Осинский занимает территорию наиболее высокой поверхности до затопления – вероятно, горы Унэгэтэй. К сожалению, у нас нет данных о наличии других археологических комплексов на острове, поскольку спасательные работы до строительства Братской ГЭС на нем не проводились. В связи с этим об археологии острова можно судить только по объектам, расположенным на горе Унэгэтэй. Присутствие на ней разновременных

погребений, а также ритуального комплекса свидетельствует о сакральном и ритуальном значении горы у местного населения с неолита до этнографической современности.

Наличие могильника хуннского времени с характерным для классических могильников хунну (Иволгинского, Дырестуйского, Ильмовой Пади) предметным набором может являться свидетельством присутствия на рубеже эр в Приангарье представителей хуннского союза племен или вхождения данной территории в состав первой кочевой империи.

Учитывая ограниченность данных для создания адекватной культурно-хронологической схемы для Приангарья эпохи раннего железного века – средневековья, любые источники по археологии данного времени имеют большое значение. В связи с этим интерес представляют уцелевшие захоронения № 3 (1982 г.) и № 2 (2016 г.). Последнее уникально для региона как по элементам обряда (помещение ноги барана), так и по инвентарю (лучковое изделие с тамгообразными знаками). Предположение о его принадлежности к древнетюркской общности может пролить свет на историю этнокультурных процессов в Приангарье в средние века.

Обнаруженные в 1980-е гг. семь бурятских захоронений по обряду кремации, которые могут быть остатками кладбища булагатских кузнецов – дарханов, проживавших на острове в XVII–XX вв., являются ценным источником по этноархеологии бурятского населения Приангарья.

Тот факт, что в 2016 г. на о. Осинском найдены разрушаемые волноприбойной деятельностью водохранилища погребения, свидетельствует о необходимости продолжения спасательных работ, прерванных в связи с безвременной кончиной В. И. Смотровой. Наличие относительно целых костяков указывает на перспективность продолжения поиска захоронений на острове. При этом в 2016 г., как и в 1980-е гг., раскапывались только захоронения, оказавшиеся на поверхности в результате размыва, а поиск непотревоженных захоронений (особенно в центральной части острова) никем не производился. Таким образом, о. Осинский остается перспективным археологическим объектом в отношении поиска погребальных комплексов эпохи неолита, железного века, средневековья и Нового времени.

Список литературы

Базалийский В. И. Новые неолитические погребения на Ангаре / В. И. Базалийский, В. И. Смотровая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. – Иркутск, 1980. – С. 126–127.

Базалийский В. И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст / В. И. Базалийский // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Банаева В. А. Кузнечные культы в религиозно-мифологических представлениях бурят / В. А. Банаева // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2008. – № 10. – С. 268–273.

Бердникова В. И. Шаманские погребения на о. Осинский (Южное Приангарье) / В. И. Бердникова, В. С. Николаев // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2003. – Вып. 1. – С. 123–133.

Бердникова В. И. Обряд кремации у бурят Приангарья / В. И. Бердникова, В. С. Николаев // Изв. Архитект.-этногр. музея «Тальцы». – 2004. – Вып. 3. – С. 143–165.

- Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в ранней истории Сибири / Э. Б. Вадецкая. – СПб. : Центр Петерб. востоковедение, 1999. – 440 с.
- Вайнбергер Е. В.* Ханьское зеркало из Чендека / Е. В. Вайнбергер // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан, 1993. – С. 57–59.
- Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье / А. В. Давыдова. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.
- Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах / А. В. Давыдова // СА. – 1971. – № 1. – С. 93–105.
- Дашибалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.
- Дашиева Н. Б.* Кузнечный культ бурят: историко-культурные истоки / Н. Б. Дашиева // Вестн. Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. – 2013. – № 1 (4). – С. 7–19.
- Дэвлет М. А.* Сибирские поясные ажурные пластины / М. А. Дэвлет // Свод археологических источников. – М. : Наука, 1980. – Вып. 4–7. – 65 с.
- Жамбалова С. Г.* Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.) / С. Г. Жамбалова. – Новосибирск : Наука, 2000. – 400 с.
- Именохоев Н. В.* Раннемонгольская археологическая культура / Н. В. Именохоев // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск : Наука, 1992. – С. 23–48.
- Иркутская область* [Электронный ресурс] // Heraldicum : Официальный сайт Русского Центра флаговедения и геральдики. – URL: <http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/irkutsk.htm> (дата обращения: 25.07.2017).
- Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 219 с.
- Крутикова К. А.* Погребальные комплексы от устья р. Белой до г. Свирска (Южное Приангарье): локально-хронологический аспект / К. А. Крутикова // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Чита : Изд-во ЗабГУ, 2016. – С. 88–89.
- Лехатинов А. М.* Малая Родина / А. М. Лехатинов. – Иркутск : Репроцентр АИ, 2016. – 360 с.
- Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины / Е. И. Лубо-Лесниченко. – М. : Наука, 1975. – 238 с.
- Миняев С. С.* Дырестуйский могильник / С. С. Миняев – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2007. – 233 с.
- Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции / Т. М. Михайлов. – Новосибирск : Наука, 1987. – 288 с.
- Николаев В. С.* Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках / В. С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.
- Николаев В. С.* Серебряные сосуды с острова Муруйский / В. С. Николаев, Г. В. Кубарев, М. С. Кустов // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2008. – Вып. 6. – С. 175–183.
- Николаев В. С.* Ритуальные комплексы кочевников Южного Приангарья в эпоху средневековья (описание, анализ конструкций и обряда) / В. С. Николаев, М. С. Кустов // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2004. – Вып. 2. – С. 193–211.
- Николаев В. С.* Средневековые археологические комплексы в местности Хабсагай (по материалам ангарской экспедиции АН СССР 1957 г.) / В. С. Николаев, М. С. Кустов // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2007. – Вып. 5. – С. 183–195.
- Оборин Ю. В.* Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок [Электронный ресурс] / Ю. В. Оборин, С. Л. Савосин. – Красноярск ; М., 2017. – 527 с. – URL: <https://yadi.sk/i/HX7w5Pz43Fm4jn> (дата обращения: 21.07.2017).

Останки животных в монгольских захоронениях XIII–XIV вв. могильника Окошки I (юго-восточное Забайкалье) / А. В. Харинский, Т. Ю. Номоконова, Е. В. Ковычев, Н. Н. Крадин // РА. – 2014. – № 2. – С. 62–75.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа / Н. В. Полосьмак. – Новосибирск : Наука, 1987. – 144 с.

Рыгдылон Э. Р. Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья / Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших // Тр. БКНИИ. – 1961. – Вып. 6. – С. 202–213.

Смотрова В. И. Отчет о полевых исследованиях Ангарского отряда археолого-этнографической экспедиции Иркутского областного краеведческого музея летом 1981 года / В. И. Смотрова. – Иркутск, 1982. – 70 с.

Смотрова В. И. Отчет о полевых исследованиях Ангарского отряда археолого-этнографической экспедиции Иркутского областного краеведческого музея за 1982 год / В. И. Смотрова. – Иркутск, 1983. – 68 с.

Смотрова В. И. Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) / В. И. Смотрова // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 136–143.

Уланов И. В. Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) / И. В. Уланов // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – Вып. 6. – С. 292–299.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. / М. Н. Хангалов. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004. – 312 с.

Харинский А. В. Елгинские захоронения Прибайкалья / А. В. Харинский // Изв. Лаборатории древних технологий. – 2014. – № 3 (12). – С. 19–43.

Харинский А. В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. II тыс. н.э.: генезис культуры и их периодизация / А. В. Харинский. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2001. – 199 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной и Центральной Азии / Ю. С. Худяков. – Новосибирск : Наука, 1986. – 268 с.

Erdenechuluun P. The Sword of Heaven: Culture of Bronze Artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire / P. Erdenechuluun, D. Erdenebaatar. – Ulaanbaatar : Sunny Mongolia Today Publ., 2011. – 496 p.

Stuiver M. CALIB Radiocarbon Calibration [Электронный ресурс] / M. Stuiver, P. J. Reimer, R. Reimer. – URL: <http://calib.qub.ac.uk/calib> (дата обращения 01.04.2017)

Burial Complexes of the Osinskii Island (Bratsk Reservoir)

I. V. Ulanov

Irkutsk State University, Irkutsk

A. V. Verenskaya

Irkutsk Regional Historic Memorial Decembrist's Museum, Irkutsk

G. L. Ivanov

Local History Museum of Irkutsk Region, Irkutsk

E. D. Nikulina

Irkutsk State University, Irkutsk

A. Yu. Taranovskii

Abstract. The article describes the materials of burial complexes from Osinskii Island. Osinskii Island is located on Bratsk Reservoir at the Angara River. In 1979 there was diagnosed graves destruction by reservoir waves. In 1981, 1982 the archaeological detachment

of Irkutsk Museum of Local History under the leadership of V. I. Smotrova (Berdnikova) has executed saving excavations. 12 graves and ritual complex were found. These materials were published in various articles. In 2016 the water level of reservoir fell and thus was found 2 graves. This article describes all 14 graves and ritual complex and discusses interpretation and chronology of graves and complex. Most of the complexes are located in the northern part of the island. The oldest grave dates back to the Early Neolithic and it may be related with Kitoi mortuary tradition. In the southern part of island is the cemetery with 3 graves, that dated to Xiongnu time. This cemetery indicates to the cultural and political influence of Xiongnu Empire to this territory. One burial found in 2016 has two ^{14}C dates – 1555±20 BP (UCIAMS-186303) and 1595±20 BP (UCIAMS-186304) – and has analogues with burials of the Cherenkhyn type. Here is found an artifact mad of a horn with tamga signs, an iron knife, iron bit and bones of a sheep's leg. Other 2 destroyed burials don't have clear cultural and chronological markers and are pre-dated in the wide frameworks of the Middle Ages. Also in the northern part of the Osinskii Island was found a ritual complex. This is a stain of bark from the fireplace in which bones of the sheep, fragments of ceramics and pebbles with flakes are found. Similar complexes of the Middle Ages are found on both shores of the Bratsk Reservoir. The seven cremations of the Balagan Buryats of the 18th and 19th centuries interpreted as graves belonging to the blacksmiths clans. This conclusion is based on the ethnographic observations and finding artifacts. The recently discovered graves testify to the need for new rescue excavations on Osinskii Island. It remains a perspective site for searching of the burials from the Neolithic to ethnographic modernity.

Keywords: Bratsk Reservoir, Osinskii Island, Neolithic, Xiongnu, Middle Ages, Buryats, Darkhan, graves, ritual complex, tamga signs.

References

Banaeva V. A. Kuznechnye kul'ty v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh buryat [Smith cults in religious mythological perceptions of the Buryats]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Buryat State University bulletin]*. 2008, Vol. 10, pp. 268–273. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I. Pogrebalnye komplekсы epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikalskoi Sibiri: traditsii pogrebenii, absolyutnyi vozrast [Burial complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: the tradition of burial, absolute age]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. 2012, Vol. 9, pp. 43–101. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Smotrova V. I. Novye neoliticheskie pogrebeniya na Angare [New Neolithic burials on the Angara River]. *Problemy arkhologii i etnografii Sibiri i Tsentralnoi Azii [Problems of Archaeology and Ethnography of Siberia and Central Asia]*. Irkutsk, 1980, pp. 126–127. (In Russ.)

Berdnikova V. I., Nikolaev V. S. Obryad krematsii u buryat Priangariya [The rite of cremation at the Buryats of Angara region]. *Izvestiya Arkhitekturno-etnograficheskogo muzeya "Taltsy" [The Reports of the Taltsy Museum of Architecture and Ethnography]*. 2004, Vol. 3, pp. 143–165. (In Russ.)

Berdnikova V. I., Nikolaev V. S. Shamanskіe pogrebeniya na o. Osinskii (Yuzhnoe Priangarie) [Shamans graves in Osinsky Island (Southern Angara region)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. 2003, Vol. 1, pp. 123–133. (In Russ.)

Dashibalov B. B. *Arkheologicheskie pamyatniki kurykan i khori [Archaeological sites of Kurykan and Khori]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, 191 p. (In Russ.)

Dashieva N. B. Kuznechnyi kult buryat: istoriko-kulturnye istoki [The blacksmith's cult of Buryats: Historical and Cultural roots]. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv [The Bulletin of East-Siberian State Institute of Culture and Arts]*. 2013, Vol. 1 (4), pp. 7–19. (In Russ.)

Davydova A. V. K voprosu o khunnskikh khudozhestvennykh bronzakh [About the issue of Xiongnu artistic bronzes]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1971, Vol. 1, pp. 93–105. (In Russ.)

Davydova A. V. *Ivolginskii kompleks (gorodishche i mogilnik) – pamyatnik khunnu v Zabaikalie* [Ivolginsky complex (settlement and cemetery) is the Xiongnu site in the Transbaikalia]. Leningrad, LSU Publ., 1985, 111 p. (In Russ.)

Devlet M. A. *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny* [Siberian openwork belt plates]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Collection of Archaeological Sources]. Moscow, 1980, Vol. 4–7, 65 p. (In Russ.)

Erdenechuluun P., Erdenebaatar D. *The Sword of Heaven: Culture of Bronze Artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire*. Ulaanbaatar, Sunny Mongolia Today Publ., 2011, 496 p.

Imenokhoev N. V. Rannemongolskaya arkheologicheskaya kultura [Early Mongolian archaeological culture]. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi srednevekoviya v Buryatii i Mongolii* [Archaeological sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia]. Novosibirsk, 1992, pp. 23–48. (In Russ.)

Irkutskaya oblast [Irkutsk region]. *Heraldicum. Ofitsialnyi sait Russkogo Tsentra flagovedeniya i geraldiki* [Heraldicum. Official Website of the Russian Center for Flag Studies and Heraldry]. Available at: <http://www.heraldicum.ru/russia/subjects/irkutsk.htm> (date of access: 25.07.2017). (In Russ.)

Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2004, Vol. 2, 312 p. (In Russ.)

Kharinskii A. V. *Predbaikalie v kontse 1 tys. do n. e. – seredine 2 tys. n. e.: genesis kultur i ikh periodizatsiya* [Cis-Baikal from the end of the 1 millennium BC to the middle of the 2 millennium AC: genesis of cultures and their periodization]. Irkutsk, IrSTU Publ., 2001, 199 p. (In Russ.)

Kharinskii A. V. Elginskie zakhoroneniya Pribaikaliya [Elga type burials of Baikal region]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient technologies]. 2014, Vol. 3 (12), pp. 20–43. (In Russ.)

Kharinskii A. V., Nomokonova T. Yu., Kovychev E. V., Kradin N. N. Ostanki zhivotnykh v mongolskikh zakhoroneniya 13–14 vv. mogilnika Okoshki 1 (yugovostochnoe Zabaikalie) [Animal carcasses in Mongolian graves of the 13–14 century in the burial Okoshki 1 (the South-East Transbaikal)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2014, Vol. 2, pp. 62–75. (In Russ.)

Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi i Tsentralnoi Azii* [Arms of medieval nomads of South and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 268 p. (In Russ.)

Konovalov P. B. *Khunnu v Zabaikalie* [Xiongnu in the Transbaikal region]. Ulan-Ude, Buryat book publishing house, 1976, 219 p. (In Russ.)

Krutikova K. A. Pogrebalnye komplekсы ot ustya r. Beloi do g. Svirskaya (Yuzhnoe Priangarie): lokalno-khronologicheskii aspekt [The Burial Complexes from Mouth of Belaya River to Svirsk (Southern Angara Region): Local and Chronological Aspects]. *Materialy LVI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Materials of the 56th Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Chita, TSU Publ., 2016, pp. 88–89. (In Russ.)

Lekhatinov A. M. *Malaya Rodina* [Little Motherland]. Irkutsk, Repocentr AI Publ., 2016, 360 p. (In Russ.)

Lubo-Lesnichenko E. I. *Privoznye zerkala Minusinskoii kotloviny* [Imported Mirrors of the Minusinsk Basin]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 238 p. (In Russ.)

Mikhailov T. M. *Buryatskii shamanizm: istoriya, struktura i sotsialnye funktsii* [Buryat Shamanism: History, Structure and Social Functions]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 288 p. (In Russ.)

Minyaev S. S. *Dyrestuiskii mogilnik [Dyrestuj burial ground]*. St. Petersburg, Faculty of Philology of SPSU Publ., 2007, 233 p. (In Russ.)

Nikolaev V. S. *Pogrebalnye komplekсы kochevnikov Yuga Srednei Sibiri v XII–XIV vekakh [Nomad's burial complexes of the Middle Siberia South in the XII–XIV centuries]*. Vladivostok, Irkutsk, Publishing House of the Institute Geography of the SB RAS, 2004, 306 p. (In Russ.)

Nikolaev V. S., Kustov M. S. Ritualnye komplekсы kochevnikov Yuzhnogo Priangariya v epokhu srednevekoviya (opisanie, analiz konstruktсии i obryada) [Ritual complexes of nomads Southern Angara region in Mediaval period (description, analyse of constructions and ceremony)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient technologies]*. 2004, Vol. 2, pp. 193–211. (In Russ.)

Nikolaev V. S., Kustov M. S. Srednevekovye arkheologicheskie komplekсы v mestnosti Khabsagai (po materialam angarskoi ekspeditsii AN SSSR 1957 g.) [Medieval Archaeological Sites in Location Khapsagai (upon the data of Angarskaya Expedition of AN USSR in 1957)]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient technologies]*. 2007, Vol. 5, pp. 183–195. (In Russ.)

Nikolaev V. S., Kubarev G. V., Kustov M. S. Serebryanye sosudy s ostrova Muruiskii [Silver vessels from Island Muruiskii]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient technologies]*. 2008, Vol. 6, pp. 175–183. (In Russ.)

Oborin Y. V., Savosin S. L. *Kitaiskie bronzovye zerkala. Korpus sluchainykh nakhodok [Chinese Bronze Mirrors. A Compendium of Random Findings]*. Krasnoyarsk, Moscow, 2017, 527 p., available at: <https://yadi.sk/i/HX7w5Pz43Fm4jn> (date of access: 21.07.2017). (In Russ.)

Polosmak N. V. *Baraba v epokhu rannego zheleza [Baraba in the Early Iron Age]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 144 p. (In Russ.)

Rygdylon E. R., Khoroshikh P. P. Novye runicheskie nadpisi i znaki Pribaikaliya [New runic inscriptions and signs of the Baikal region]. *Trudy BKNII. [Reports of BCSRI]*. 1961, Vol. 6, pp. 202–213. (In Russ.)

Smotrova V. I. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Angarskogo otryada arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya letom 1981 goda [Report on the field research of the Angara troop of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore archaeological and ethnographic expedition in the summer of 1981]*. Irkutsk, 1982, 70 p. (In Russ.)

Smotrova V. I. *Otchet o polevykh issledovaniyakh Angarskogo otryada arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Irkutskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya za 1982 god [Report on the field research of the Angara troop of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore archaeological and ethnographic expedition from 1982]*. Irkutsk, 1983, 68 p. (In Russ.)

Smotrova V. I. Pogrebenie s azhurnymi platinami na ostrove Osinskom (Bratskoe vodokhranilishhe) [Grave with openwork plates on the Osinskii Island (Bratsk Reservoir)]. *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednei Sibiri [Paleoethnological studies in the South of Central Siberia]*. Irkutsk, 1991, pp. 136–143. (In Russ.)

Stuiver M., Reimer P. J., Reimer R. *CALIB Radiocarbon Calibration*. Available at: <http://calib.qub.ac.uk/calib> (date of access: 01.04.2017).

Ulanov I. V. Novye pogrebeniya na ostrove Osinskom (Bratskoe vodokhranilishhe) [New Burials at the Osinskii Island (Bratsk Reservoir)]. *Evrasiya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultura [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Cultures]*. 2017, Vol. 6, pp. 292–299.

Vadetskaya E. B. *Tashtytskaya epokha v drevnei istorii Sibiri [The Tashtyc Epoch in the Ancient History of Siberia]*. St. Petersburg, Petersburg's Oriental Centre Publ., 1999, 440 p. (In Russ.)

Vainberger E. V. Khanskoe zerkalo iz Chendeka [The Han mirror from Chendek]. *Materialy po arkhologii i etnografii Sibiri i Dalnego Vostoka [Materials on Archaeology and Ethnography of Siberia and the Far East]*. Abakan, 1993, pp. 57–59. (In Russ.)

Zhambalova Z. G. *Profannyi i sakralnyi miry olkhonskikh buryat (XIX–XX vv.) [Profane and sacral worlds of the Olkhon buryats (the XIX–XX centuries)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2000, 400 p. (In Russ.)

Уланов Илья Викторович

стажер-исследователь, научно-исследовательский центр «Байкальский регион», Иркутский государственный университет; Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Ulanov Ilya Viktorovich

Trainee Researcher, Scientific Research Center «Baikal Region», Irkutsk State University; 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russia
e-mail: ussr-ilya@yandex.ru

Веренская Александра Владимировна

научный сотрудник, Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов; 664007, Россия, г. Иркутск, пер. Волконского, 10
e-mail: tinaokun@rambler.ru

Verenskaya Aleksandra Vladimirovna

Researcher, The Irkutsk Regional Historic Memorial Decembrist's Museum; 10, Volkonskii lane, Irkutsk, Russia, 664007
e-mail: tinaokun@rambler.ru

Иванов Григорий Леонидович

заведующий сектором, Иркутский областной краеведческий музей; Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 13
e-mail: postmaster@museum.irkutsk.ru

Ivanov Grigorii Leonidovich

Head of Department, Local History Museum of Irkutsk Region; 13, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russia
e-mail: postmaster@museum.irkutsk.ru

Никулина Екатерина Дмитриевна

стажер-исследователь, научно-исследовательский центр «Байкальский регион», Иркутский государственный университет; Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: katepiler@yandex.ru

Nikulina Ekaterina Dmitrievna

Trainee Researcher, Scientific Research Center «Baikal Region», Irkutsk State University; 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russia
e-mail: Katepiler@yandex.ru

Тарановский Александр Юрьевич

краевед
e-mail: eye1958@yandex.ru

Taranovskii Aleksandr Yurievich

Local Historian
e-mail: eye1958@yandex.ru